

ВОЕННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО НА УКРАИНЕ В РАКУРСЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТИНГА И ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Аннотация

Начавшееся как локальное столкновение военное противоборство между Россией и Украиной масштабировалось в системный антагонизм России с консолидировавшимся против нее Западным Миром. Пространственные и временные рамки этого крупнейшего со времен Второй мировой войны европейского военного конфликта пока не вполне ясны, поскольку они меняются, так как находятся в прямой зависимости от военной динамики. Вместе с тем, используя аксиоматическую формулировку «любой конфликт рано или поздно заканчивается», можно попытаться с определенной долей погрешности допустить варианты исхода развития событий после завершения активной (горячей) фазы военного противостояния на Украине. Набор опций по выбору линий дальнейшего поведения у субъектов конфликтинга достаточно разнообразен. Суммарно тактические и стратегические действия сторон можно свести к неким моделям конфронтационного взаимодействия, которые будут конструировать Россия и Западный Мир в постактивной фазе конфликта. Автор статьи с помощью метода прогнозного моделирования ситуации осуществит попытку оценить возможность перехода к той или иной модели развития процесса конфликтинга и охарактеризовать риски социальной деструкции, заложенные в этих моделях.

Ключевые слова: Россия, Западный Мир, глобализирующий-ся конфликт, моделирование социальных процессов, модель конфронтационного взаимодействия, социальная деструкция.

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть текущего столетия весьма насыщена глобальными потрясениями. Под их воздействием мировой организм теряет доставшуюся от предыдущего периода относительную целостность и устойчивость, начиная с глобальной экономики и торговли, мировых финансовых систем, политического сотрудничества и, затрагивая всю социальную организацию. Корни такого дисфункционала залегают в самом обществе, испытывавшем и испытывающем сильный стресс из-за влияния новых мировых трендов развития в виде гиперурбанизации и

⁴⁹ Lobanov.politika@gmail.com

глобализации. Общество оказалось попросту не готово ни ментально, ни организационно, ни с ресурсных позиций переварить за короткий срок все эти структурные изменения. Со своей стороны институции, несущие ответственность за поддержание мирохозяйственных связей и международных отношений, проявили ригидность и не смогли своевременно адаптироваться к стремительно меняющимся реалиям. Например, мировые кризисы 1997-1998 годов, 2007-2008 и последующих годов отчетливо сигнализировали о перегреве быстро растущих национальных экономик и финансовых систем, но это никак не повлияло на поведение международных финансово-кредитных регуляторов. Инфекция коронавируса 2019-2022 годов вогнала в ступор все национальные системы здравоохранения и социальной поддержки населения, заставив государства спешно искать выход из гуманитарного кризиса. Причем все это происходило на фоне организационной растерянности профильных межгосударственных и наднациональных институтов.

Не преследуя цель выявить причины и условия возникновения социальной деструкции в новейшее время, ограничимся констатацией некоторых ее симптоматичных особенностей. Прежде всего, отметим, что благодаря достигнутой в эпоху глобализации всеобщей транспарентности социальная деструкция способна сравнительно быстро транслироваться с локального на глобальный уровень. С другой стороны, пространственная экспансия сопровождается распространением деструктивных процессов вглубь социальных систем. Иными словами, результаты деструкции стали приобретать характер серьезной структурной проблемы, «...проявляясь в том или ином виде социальной деятельности или институте, некоторые последствия дисфункции препятствуют другой или другим деятельности и институтам» (Merton, 1968).

Симптоматика социальной деструкции в ее глобальном измерении рельефно проявляется в военных и вооруженных конфликтах, часть из которых является продолжением столкновений прежних эпох, а другие порождены современностью.

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Военный конфликт на Украине оценивается наблюдателями как крупнейший за всю послевоенную историю Европы (Kissinger, 2022: 34). На стороне таких оценок находятся количество и качество вооружения и людских ресурсов, вовлеченных в конфликт, интенсивность боевых действий и число потерь (Matveeva, 2022: 415). Ряд аналитиков классифицируют конфликт как международный военный смешанного типа, поскольку в нем принимают участие и государственные, и не государственные акторы (Schmitt, 2022). В некоторых оценках конфликт рассматривается с позиций межцивилизационного противостояния как столкновение России и условного коллективного

Запада, т.е. отдельных социо-культурных зон со своими несовпадающими кодами (Mettan, 2015). Если взять за основание классификации масштаб явления, то, как правило, он коррелируется с линией бое-столкновений сторон и соответствует классическому определению территориального локального конфликта (Kahler, Walter, 2006). В то же время при расширении критериального аппарата и использовании параметров «содержание конфликта» и «динамика конфликта», мы можем увидеть как локализация российско-украинского противостояния преодолевается и процесс переходит на более высокий уровень, то есть конфликт интернационализируется. Эту тенденцию отмечают не только представители академического сообщества, но и лидеры государств, приводя как минимум три аргумента: стороны конфликта получают вооружение и боеприпасы из третьих стран; миграционный исход некомбатантов из зоны конфликта влияет на внутреннюю ситуацию в невоюющих государствах; логистический коллапс в регионе конфликта спровоцировал продовольственный кризис в странах Глобального Юга (Scholz, 2022: 20, Biden, 2022: 24).

Каждый из этих стрессоров существенно усугубляет положение внутри и вокруг конфликта, а соединяясь вместе в определенных условиях, они способны создать колоссальный деструктивный эффект глобальных размеров. Более того, данный эффект может мультипликативно возрасти с учетом фактического вовлечения в конфликт держав из «ядерного клуба» и возглавляемых ими военно-политических союзов. Все это вкуче уже привело к реинкарнации холодной войны и существенно обострило угрозу начала настоящего мирового бедствия, знаменующего собой апофеоз глобальной деструкции.

Прогрессирующая интернационализация российско-украинского военного конфликта и сопутствующая этому процессу эскалация деструктивности, чреватая созданием критически неприемлемой среды для нормального функционирования социальных систем, заставляют ответственно отнестись к просчету масштабов риска и неопределенности при моделировании возможных вариантов процесса конфликтинга вокруг Украины.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД АНАЛИЗА КОНФЛИКТИНГА

Прогнозное моделирование довольно активно применяется при исследовании социальных и политических процессов и систем (Hegselmann, Mueller, Troitzsch, 1996). Многофункциональность метода позволяет работать с ним во многих предметных областях таких, как миграция, экология, демография, конфликтология (Carley, Gasser, 1999). Следы моделирования заметны в ходе разработки различного рода когнитивных конструкций, направленных на выявление перспектив конфликтного взаимодействия вокруг Украины. Например, сторонники так называемой «корейской» модели считают вполне реальным последствием конфликта после завершения активной его фазы или «заморожки» раздел территории Украины на два враждебных, но

не воюющих друг с другом государства по примеру Северной и Южной Корей (Ignatius, 2022). Вариант «чеченской» модели предполагает полное «поглощение» Украины Россией и ее постепенное усмирение по образцу постконфликтного урегулирования на Северном Кавказе после 1999 года (Hauer, 2022). В рамках обеих моделей субъекты моделирования пытаются предположить масштабы деструктивных последствий конфликта для населения Украины, отдавая предпочтение первой модели, нежели второй. Не вдаваясь в детальный анализ этих моделей, укажем, что они определенным образом ограничены локальными рамками самого конфликта и не учитывают в полной мере тенденции к растущей глобализации его последствий. В то же время взгляд на описываемое явление в проекции противостояния России и Западного Мира глобального уровня позволит расширить спектр прогнозного моделирования.

На старте рассмотрим две диаметрально противоположные и, с нашей точки зрения, не перспективные модели исхода российско-украинского конфликтинга. Первая – «апокалипсическая», исходит из предположения о том, что противоборство России и Западного Мира на Украине примет форму открытого столкновения и перерастет в мировую войну. При этом неизбежное применение тактического ядерного оружия, а в перспективе возможно и стратегического, будет знаменовать собой «конец истории», абсолютную деструкцию глобального социума (SIPRI, 2022: 1). Вторая модель – «пацифистская», допускает возможность сторонам и иным участникам конфликта договориться между собой о прекращении конфронтации ввиду понимания бесперспективности дальнейшей глобальной эскалации. Продвигается идея о преимуществах возврата к согласованным действиям в рамках «концерта держав», позволяющего удерживать мировой порядок в рамках ненасилия (Haass, Kupchan, 2021). Для мирового сообщества такая перспектива представлялась бы наиболее благожелательной, это позволило бы снять угрозу тотальной и глобальной деструкции, тем более что это уже имело место в истории во времена «разрядки международной напряженности» в 60-70-х годах прошлого столетия. Однако, повторимся, что степень реализации обеих моделей оценивается нами как не очень высокая. Первой – в силу сохраняющегося у глобальных лидеров рационального осмысления последствий ядерной войны, второй – из-за неразрешимости перешедшего на ценностно-мотивационный уровень антагонизма.

При рассмотрении существа вопроса с позиций *Realpolitik*, более реалистичной представляется фабула, согласно которой в процессе деконфликтинга на Украине между Россией и Западным Миром установится некий конфронтационный баланс, сравнимый с состоянием блокового равновесия периода «холодной войны». Полная аналогия с прошлым здесь исключена, хотя бы по причине того, что за сегодня Россией (несмотря на все ее попытки мобилизовать вокруг себя страны Глобального Юга) не стоит какого-либо военно-политического объединения подобного Варшавскому договору, и в поединке с западным альянсом НАТО она сражается одна. Вместе с тем, воз-

возможные модели конфронтационного паритета, напоминающие былое противоборство социалистического и капиталистического лагерей, вполне могут быть воспроизведены вновь. Речь может идти о стремлении конфликтующих к конфронтации в виде мирного сосуществования и конфронтации как разновидности гибридной войны. Обе модели имеют в своей основе два базовых модуля: о невозможности возврата к состоянию «до 24 февраля 2022 года» во взаимоотношениях друг с другом и о принятии неизбежности длительности конфронтации. Основываясь на этой платформе, модель конфронтации в виде мирного сосуществования предполагает отказ сторон от прямого военного столкновения и постепенную выработку алгоритмов взаимного приспособления в изменившихся условиях. Движением по этому азимуту можно считать некоторые решения саммита НАТО в Вильнюсе 11 июля 2023 г, например, п. 19 Заявления по итогам встречи (НАТО, 2023). Страны блока заявили о незаинтересованности прямого столкновения с Россией, но отметили, что будут существенно наращивать свой военный потенциал за счет перевооружения и довооружения, а также добиваться сдерживания России в «ее агрессивных устремлениях». Этот сценарий не исключает взаимных демонстраций силы и силового шантажа. В торгово-экономической сфере модель «мирной» конфронтации может сопровождаться перманентной переналадкой режима санкций и контрсанкций, но в уже значительно скромных чем прежде масштабах взаимодействия. Модель конфронтации в виде гибридной войны означает, что Россия и Западный Мир готовы применить друг против друга широкий спектр сил и средств невооруженного характера. Речь может идти о целенаправленном взаимном деструктивном воздействии по торгово-финансовому, политико-дипломатическому, психолого-идеологическому направлениям с намерением нанести своему противнику максимальный ущерб и разбалансировать его систему организации социальной и политической жизни (Hoffman, 2009). Планирование гибридных атак включает в себя поддержку повстанческих движений и поощрение терроризма на вражеской территории. При определенных условиях гибридная война может вновь эволюционировать в более масштабную региональную войну (но не войну мировую, поскольку это означало бы ядерную катастрофу, на которую ни Западный Мир, ни Россия не решатся).

Представляется очевидным, что обе модели конфронтационного взаимодействия содержат в себе значительный деструктивный потенциал, позволяющий транслировать дисфункциональность на все уровни социальных и политических систем - глобальный, национальный, региональный, коммунальный. В свою очередь параметры компрессии пространства, свободного от конфронтации, в каждой из моделей могут отличаться.

ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В МОДЕЛИ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Классическая модель мирного сосуществования двух непримиримых социально-экономических и политических систем, предложенная в свое время советским лидером Н. Хрущевым, предполагала отказ от войны как средства решения споров и была рассчитана на эффект «временной передышки» перед решающей схваткой антагонистов (Khrushchov, 1956). Проектирование этой модели на российско-украинский сюжет вполне позволяет допустить замораживание состояния «тайм-аута» в отношениях между Западным Миром и Россией на неопределенно долгое время, вплоть до достижения сторонами конечных целей противостояния – утверждения собственных парадигм будущего миропорядка. Отказ от прямого военного столкновения во время конфронтации является существенным фактором, оказывающим влияние на безопасность глобального социума, но сама конфронтация остается при этом постоянно действующим состоянием конфликтного взаимодействия, а значит возможность обеспечения «свободы от нужды» и «свободы от страха» для всех людей будет ограниченной.

В условиях глобальной конфронтации под стресс-тестинг пределов стабильности государственной и общественной систем попадают, прежде всего, экономика и связанный с ее положением уровень благосостояния населения. В ходе нарушения нормального функционирования мирохозяйственных, финансовых и торговых механизмов, стимулируемого режимом взаимных санкций и контрсанкций, происходит существенное ухудшение многих объективных показателей социального самочувствия граждан. Например, в результате сжатия объемов производства и внешней торговли в России⁵⁰, вызванного санкциями Запада, наблюдаются пул негативных явлений. Уходят с российского рынка западного бизнеса, а по оценкам аналитиков Йельской школы менеджмента это – 253 компании, а также 248 приостановивших развитие деятельности, 96 прекративших инвестирование и 75 – сокративших присутствие (Yale School of Management, 2022), повлек за собой обострение проблем с занятостью для 2 млн россиян, которым иностранный бизнес формирует рабочие места, и для 4-6 млн граждан России, связанных с этим бизнесом косвенно. В результате, по данным на середину 2023 г., в России зафиксирован уровень безработицы в 3.3 % от трудоспособного населения (Росстат, 2023: 179), с учетом того, что за 2022 г. страну покинуло 554 тыс чел (Росстат, 2023: 197). Введение новых санкций, включая эмбарго на ввоз российских углеводородов в страны Запада, создает риск про-

⁵⁰ По расчетам Международного валютного фонда, доля российской экономики в мировой (если считать в долларах США по текущему курсу) может снизиться с 1.8% в 2021 году до 1.3% в 2027 году. См. подробнее: IMF. *World Economic Outlook. Real GDP growth. Annual percent change*. Washington, International Monetary Fund, April (2022). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD.

блем с наполнением государственного бюджета. Под угрозой санкций оказалось 20% годового российского экспорта, а всего более $\frac{1}{2}$ внешней торговли России приходится на недружественные страны и тоже попадает под количественные рестрикции (Решетников, 2022). При долговременном воздействии трудности бюджетной политики негативно отразятся на исполнении государством социальных обязательств перед населением и приведут к ухудшению условий жизни. Не способствуют поддержанию здорового социального климата высокая инфляция. Согласно прогнозам компании «Финам», рост потребительских цен к концу 2022 г. составил 12.9% в сравнении с 8.39% в конце 2021 г. (Коньгин, 2023). По утверждению аналитиков компании, стремительный взлет цен связан с падением курса национальной валюты на 30% с начала года и ажиотажным спросом населения на товары, которые могут исчезнуть из торговых сетей или вместе с торговыми сетями из-за санкций (Аседова, 2023).

Санкции как средство ведения экономических и торговых войн являются обоюдоострым оружием и признаки так называемого «кризиса стоимости жизни» ощущаются по другую сторону глобального конфликта. Энергетические сбои привели к высокому уровню промышленной инфляции в Европе, в еврозоне он составил 37.2%, чего не случалось со времен нефтяных шоков 70-х годов прошлого столетия (Eurostat, 2022: 1). Примерно через полгода промышленная инфляция обычно приводит к росту потребительских цен, хотя и нынешний этот показатель в 8.6% стал рекордным. Причем больше всего в еврозоне подорожала энергия – на 41.9% в годовом выражении (Eurostat, 2022: 1). Структурные изменения в экономике оказывают негативное воздействие на европейский рынок труда. Из-за резкого роста стоимости энергии проблемы постигли флагмана Евросоюза Германию. Впервые за несколько десятилетий продажа высокотехнологичных промышленных товаров остальному миру оказалась ниже импорта. За падением экспорта следует сокращение рабочих мест в обрабатывающей промышленности, которая составляет основу немецкой экономики. Как отмечают британские обозреватели, «целому поколению квалифицированных немцев больше нечего будет делать» (Lynn, 2022). Сгусток аккумулирующихся проблем не может не создавать напряжения в пространстве социального благополучия европейцев, поскольку вслед за Германией осложнение экономической ситуации ожидает всю еврозону (Münchau, 2022). Как один из индикаторов благополучия потребительские цены в еврозоне поднялись в августе 2023 г. на 5.3% в годовом выражении при прогнозе 5.1% (CEIC, 2023). Это в 2.6 раза выше целевого уровня инфляции, достичь который Европейскому Центральному Банку не удастся уже не один год. Руководство Еврокомиссии признает, что жителям европейских стран предстоит пережить «еще более трудный период, в течение которого рост может замедлиться» (Gentiloni, 2023).

Таким образом, мы видим, что наиболее рельефным проявлением социальной дисфункции в модели мирного сосуществования Западного Мира и России в ситуации украинского постконфликтинга

будет эрозия глобального пространства экономики, финансов и торговли, которая из-за болезненной перестройки национальных хозяйственных и социальных систем ведущих государств может перерасти во всеобщий кризис⁵¹. В этом случае падение объемов производства и товарного обмена будет гораздо значительнее, а последствия на уровне домашних хозяйств и жизнедеятельности индивидов - более драматичными. В кризисных условиях у сторон конфронтационного взаимодействия может возникнуть стремление использовать жесткие сценарные планы в отношении друг друга, чтобы избежать надвигающейся угрозы или форсировать выход из нее.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ В МОДЕЛИ ГИБРИДНОГО КОНФЛИКТА

Гибридный или «бесконтактный» конфликт/война относится к новой разновидности конфронтационного взаимодействия. Каждый из антагонистов в таком конфликте видит свою победу в истощении и деградации противника, в достижении его неспособности в дальнейшем обеспечивать свое политическое и экономическое влияние на остальной мир. Сражаясь на украинском плацдарме, Россия и Западный Мир преследуют именно такие цели. Не изменяя своих намерений, противники продолжают конфронтацию и по окончании активной фазы военного конфликта, поскольку ресурсный потенциал сторон далек от исчерпания и истощится не скоро. Общим фоном конфронтации станут ожесточенные атаки на системы организации общественной и государственной жизни противника, массивное морально-психологическое воздействие на его население (McCuen, 2008). В украинском конфликте присутствуют некоторые такие элементы гибридного противоборства, которые уже сегодня позволяют обозначать очертания зон предстоящего жесткого спарринга противников.

Наиболее brutальная *fighting without rules* наблюдается в энергетико-сырьевом секторе ресурсных потенциалов. В развернувшейся гибридной войне Западный Мир посредством санкций и прямых диверсий стремится лишить Россию доходов от экспорта ископаемых источников энергии и тем самым обескровить государственный бюджет, наполняемость которого зависит от этой статьи на 36-54% (в зависимости от года). Россия в свою очередь также надеется надломить экономику стран Евросоюза, сократив в 2022 г. суточные поставки энергоносителей туда в четыре раза по сравнению с 2017-2019 годами, а в 2023 г. - и вовсе прекратив прямые поставки энергоресурсов в

⁵¹ Например, вероятность глобальной рецессии в ближайшие год-два оценивает Международный Валютный Фонд. В организации полагают, что рецессия неизбежна как результат «перенакачки» ведущих экономик мира деньгами в период «антиковидной» терапии в 2020-2021 г.г. и продолжающейся «антикризисной» политики в условиях возросших геополитических осложнений. См.: IMF. *IMF Executive Board Concludes 2022 Article IV Consultation with the United States*. Press Release 22/254, Washington, International Monetary Fund, July 12 (2022). URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/07/12/pr22254-imf-executive-board-concludes-2022-article-iv-consultation-with-the-united-states>.

западном направлении. В итоге под угрозой снижения качества жизни оказалось население по обе стороны гибридного «фронта». В странах ЕС все чаще стали говорить о так называемой энергетической бедности – невозможности потреблять достаточно энергии для комфортно-го обогрева жилища, приготовления еды и обеспечения прочих бытовых потребностей (СЕВ, 2019). Существенно ухудшилась экологическая безопасность населения, так как во многих западноевропейских государствах происходит возврат к таким экологически грязным или опасным видам энергетики, как угольная (использующая даже не каменный, а бурый уголь) и атомная. С другой стороны отказ Европы от российской нефти, нефтепродуктов, а в перспективе от трубопроводного газа также не добавит оптимизма более чем 60 млн российских граждан или 42% населения страны, доходы которых зависят от выплат из бюджета (Dolgin, 2021).

Вторым направлением гибридной борьбы ради достижения ресурсного упадка противника стала продовольственная сфера. США и страны ЕС используют режим санкций, чтобы затруднить вывоз товаров по еще двум заметным статьям доходной части российского бюджета – продаже за рубеж зерна и сельскохозяйственных химических удобрений (соответственно 7.3% и 7.85% в структуре экспорта в 2021 г.) (Федеральная таможенная служба России, 2022). В дополнение к сказанному военные действия привели к обрыву налаженных транспортных коммуникаций в черноморском регионе, что повлекло за собой практически полную блокаду украинского коридора поставок продовольствия в страны Европы и афро-азиатского геополитического макрорегиона. Указанные обстоятельства стали причиной рекордного взлета цен на еду во всем мире в 2022 г.⁵², согласно подсчетам профильной организации ООН (FAO of the UN, 2023). Помимо роста стоимости зерновых культур и растительных масел, на увеличение продовольственных цен влияют еще два негативных фактора, а именно: снижение урожайности пшеницы и кукурузы во многих странах из-за эмбарго Запада на поставки российских и белорусских удобрений (FAO of the UN, 2023: 12) и повышение тарифов или отказ на фрахтование морских судов как еще одного следствия санкционной войны (UNCTAD, 2022: 7). Примечательно, что от продовольственного кризиса в большей степени страдает население стран, никак не связанных с войной и санкциями. Из-за логистических трудностей поставки российской и украинской пшеницы прекратились по крайней мере в 36 из 55 стран третьего мира, зависимых более чем на 10% от экспорта продовольствия из Восточной Европы. Чиновники ФАО отмечают, что если в период пандемии в ежедневной ситуации острого голода оказались почти 200 млн человек со скачком в 40 млн человек в 2021 году, то военный конфликт на Украине еще больше

⁵² Мировой продовольственных цен в 2022 г. составил 143.7 пункта по сравнению с 98.1 пунктов в 2020 г. С января по август 2023 г. индекс колебался от 130.2 до 121.4 пунктов. См.: FAO of the UN. *World Food Situation. FAO Food Price Index*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations. 8 September (2023): 3. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>

усугубил сюжет и затронул еще 23 млн человек (Prashad, 2023). В условиях отсутствия продовольственной безопасности в развивающейся части мира возрастает опасность политической турбулентности и выплескивания насилия за пределы границ, что уже наблюдается, например, в странах южнее Сахары. А это уже прямой вызов основам глобальной стабильности.

В ходе конфликтов гибридного вида операционный инструментарий дополняется созданием миграционных кризисов. Безусловно, в ситуации вооруженного насилия потоки беженцев неизбежны, так как некомбатанты вынуждены бежать с театра военных действий. Вместе с тем, в XXI столетии создание критических масс беженцев на чужой территории стало средством давления на субъект притязаний. Достаточно вспомнить миграционный коллапс 2015-2016 годов, умело использованный президентом Турции Р.Т. Эрдоганом для получения финансовых преференций от стран ЕС. В случае с Украиной можно говорить о более серьезных для Европы цифровых значениях⁵³ и сопутствующих им экономических и социальных последствиях. Согласно сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2023 г. за пределами Украины находилось 6.2 млн человек⁵⁴, из которых на европейские государства пришлось 5.83 млн человек, а в России оказалось 1.27 млн человек (UNHCR, 2023). И без того бедственное положение этих людей усугубляется тем обстоятельством, что бюджеты большинства из принимающих беженцев стран не рассчитаны на такую нагрузку, а местное население вовсе не намерено соглашаться на дальнейшее ухудшение социальных условий, и так подорванных кризисом стоимости жизни. Ситуация чревата ростом неконвенционального насилия, всплесками социальной и политической нестабильности, массовыми депортациями, что в сумме означает повышение риска безопасного существования огромного количества людей во многих странах, то есть собственно социальную деструкцию в больших масштабах (Roy, 2023).

Многомерные и сетевые гибридные атаки, которые предпринимают и будут предпринимать друг против друга Западный Мир и Россия, включают морально-психологическое истощение людского потенциала противника (Сивков, Соколов, 2023: 137). Объективно на психику людей плохо влияет страх из-за дальнейшего обострения отношений между противоборствующими сторонами – вплоть до угрозы применения ядерного оружия. Картину усугубляют целенаправленные и массированные вбросы угрожающего контента, дезинформация, фейки в информационном пространстве с целью дезориентировать население неприятеля, усилить в людях тревожность и

⁵³ Украинский исход почти в три раза превышает размер волны сирийцев и других лиц, прибывших в Европу в 2015-2016 годах.

⁵⁴ По данным профильного ведомства ООН, в 2022 г. показатели числа беженцев из Украины были выше - 9.1 млн человек, из которых на европейские государства пришлось 7.5 млн человек, а в Россию переместились 1.6 млн человек. См.: UNHCR. *Ukraine refugee Situation*. Operational Data Portal. Geneva: [United Nations High Commissioner for Refugees](https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine#_ga=2.212140308.1228536959.1656507776-442391937.1656507776), 2022. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine#_ga=2.212140308.1228536959.1656507776-442391937.1656507776

развить фобии. Подобные явления в России, например, отмечаются аналитическим агентством КРОС, которое ведет учет так называемого «*Национального индекса тревожностей*». За первые месяцы специальной военной операции на Украине суммарные значения индекса значительно подросли, причем две позиции – меняющаяся в худшую сторону структура потребления и возможное обострение военной ситуации, главным образом, обусловили этот рост (КРОС, 2022: 1). Следствием повышенной тревожности населения, вызванной в том числе неблагоприятным новостным и экономическим фоном, стал увеличившийся спрос на антидепрессанты. В первой половине 2022 г. россияне приобрели на 66% больше лекарственных средств от депрессии, чем за аналогичный период 2021 г. – 6 млн упаковок (ЦРПТ, 2022). Похожие психологические переживания, стресс и панические атаки испытывают европейские граждане, не говоря уже о самих украинцах (Zabolodska, Rohozian, et., 2023). Не будет преувеличением сказать, что прямым следствием конфликта вокруг Украины станет состояние полной дезориентированности и эмоциональной подавленности для большого числа людей. На этом фоне нормальная тревожность будет эволюционировать в экстремальные формы - невротическую и психотическую тревожность, что при длительном течении приведет к психотизации и невротизации людей, к массовой деструкции их психотипов.

В итоге отметим, что конфронтация в виде модели гибридного противостояния в случае ее реализации будет более жестким испытанием по содержанию и последствиям для безопасности мирового социума в сравнении с альтернативной конфронтацией в обстановке мирного сосуществования противоборствующих центров влияния и силы. Вариативность использования гибридных технологий для деструктивного воздействия на противника и перманентная угроза перерастания гибридной прокси-войны в войну реальную создадут критически неприемлемые условия для выживания государств и обществ.

МОДЕЛИ КОНФРОНТАЦИИ В ПРОЕКЦИИ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня вряд ли представляется возможным с точностью предсказать выбор конфликтующими сторонами конкретной модели их дальнейшего конфронтационного взаимодействия. Методология прогнозного моделирования социальных процессов и явлений не предполагает этого. Сроки и последовательность наступления тех или иных событий могут сильно различаться, а в расчет берется, как правило, доминирующая тенденция, которая и будет определять ход дальнейших событий. По ряду симптомов мы можем с осторожностью судить об обнаружении такой тенденции, свидетельствующей о намерениях России и Западного Мира придерживаться определенной линии поведения по результатам украинского конфликтинга. Что касается первой стороны, то после нанесения стратегического поражения Западу

на Украине, Россия хотела бы добиться ослабления режима экономических санкций и перевода отношений с США и ЕС в русло конфронтационного, но мирного сосуществования. Такую перспективу не исключает политическое руководство страны и заявляет об отсутствии у него авторитарных настроений (Путин, 2023). Но в отличие от состояния «до 24 февраля 2022 года» расчет на помощь Запада как средства решения многих задач модернизационного развития страны уже не рассматривается. Напротив, Россия разворачивается на Восток и пытается искать резервы для роста национальной экономики и благосостояния населения в процессах активизации евразийской интеграции (Клепач, 2022: 12). Со стороны Западного Мира в отношении России прослеживается двойственная позиция. Крупные государства «Старой Европы» тяготеют к мирному сосуществованию с Россией, во-первых, в силу объективной незаинтересованности в рецидивах возникновения военных конфликтов на континенте, во-вторых, из-за значительной взаимозависимости обеих экономик друг от друга, в-третьих, потому, что опасаются чрезмерного усиления влияния проамериканского лобби из числа стран «Новой Европы» плюс Великобритании на внутренние дела ЕС. Соединенные Штаты Америки как флотмен Западного Мира с некоторыми европейскими сателлитами придерживаются скорее иной позиции. Для США Россия представляется геостратегическим цивилизационным конкурентом, бросившим вызов и подлежащим подчинению. Поэтому эта группа стран настроена на продолжение конфронтации в допустимых максимально жестких формах. Вместе с тем, американский истеблишмент, включая так называемое «*deep state*», вряд ли намерен идти на прямое столкновение с Россией и не готов столкнуться с реальностью всемирного хаоса (Kissinger, 2022: 24). К тому же в Вашингтоне отчетливо представляют себе последствия победы Украины в конфликте с Россией, одним из вариантов которых станет еще более тесный союз между Москвой и Пекином (Fix, Kimmage, 2023). В связи с этим США будут вынуждены искать какие-либо приемлемые для себя формы приспособления к новой ситуации. Иными словами, в перспективе возможен переход к той или иной разновидности мирного сосуществования. По крайней мере, в данный момент правительство США уже начало предпринимать меры по либерализации части санкций против России в особенно чувствительных для себя секторах экономики и инициировало ряд переговорных консультаций по Украине на площадках третьих стран (Pippenger, 2023).

Осмелимся осторожно предположить, что модель конфронтационного взаимодействия между Западным Миром и Россией в форме мирного сосуществования все же будет иметь несколько больше шансов перед антагонизмом в виде гибридной войны. Хрупкость грани, отделяющей гибридную войну от новой более масштабной войны, будет удерживать стороны от выбора в пользу второй модели. Это означает, что деструкция социальной жизни затронет неопределенно большое количество людей, и этот дисфункционал будет усугубляться по мере нарастания структурного кризиса мировой экономики, условия

для которого вызревали в период пандемии и значительно были простимулированы конфликтом вокруг Украины. Очередное геополитическое противостояние негативно отразится на состоянии глобального социума, уровень и качество жизни людей будет снижаться безотносительно от страны проживания или причастности к данному конфликту. То есть в этом случае можно будет говорить о значительной степени и масштабах социальной деструкции вплоть до условных критически допустимых величин. Однако физическому выживанию большинства людей, прямо или косвенно затронутых глобальной конфронтацией, ничего угрожать не будет. В случае эскалации гибридного противостояния между Западным Миром и Россией возникает высокий риск гораздо более мощного разрушения системы материального и духовного обеспечения жизнедеятельности общества, в том числе из-за острого истощения ресурсной базы и милитаризации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поводя итог сказанному, имеет значение выделить несколько умозаключений.

Социальная деструкция, понимаемая как комплексное расстройство экономической и политической систем, систем социальной организации и гуманитарной сферы под воздействием ряда факторов, является следствием проявления дезинтеграционной составляющей процесса современного общественного развития. Существует прямая зависимость между указанными нарушениями и глобализацией, вследствие чего социальная деструкция может приобретать глобальное измерение.

Процессы глобализации значительно усиливают конфликтогенность мирового пространства, а сами военные конфликты создают дополнительную стрессорную и дисфункциональную нагрузку на социум. В ходе военного конфликта деструктивные явления распространяются на все социальные системы по горизонтали и поражают их по вертикали, включая макроуровень (глобальное пространство), мезоуровень (национальные государства, регионы, муниципальные сообщества) и микроуровень (индивиды и группы).

Интернационализирующийся военный конфликт вокруг Украины, главными субъектами которого выступают Западный Мир во главе с его флагманом Соединенными Штатами Америки и Россия, представляет собой выразительный пример переживающей восходящую фазу тенденции к глобальной социальной деструкции.

Использование метода прогнозного моделирования позволяет выделить две вероятностные модели поствоенного конфронтационного взаимодействия главных антагонистов исследуемого конфликта. Каждой из моделей соответствуют собственные параметры сжатия пространства, свободного от воздействия деструктивных процессов.

Конфронтационное взаимодействие в виде относительно мирного сосуществования означает перенос противоборства Западного

Мира и России главным образом в область экономики и торговой политики. Ожидаемым результатом этой конфронтации может стать рецессия мировой экономики с высокими шансами перетекания в глобальный структурный кризис. Падение уровня жизни миллионов людей в этих условиях будет обуславливаться обострением целого комплекса социальных проблем.

Конфронтация в виде гибридного конфликта/войны - это версия более разносторонней конфликтной взаимосвязи субъектов. Жесткие контакты сторон по любому из направлений противоборства могут привести к подрыву и истощению ресурсной базы контрагентов и даже инициировать прямые боевые столкновения между ними. В этом смысле модель гибридного противостояния более пагубна для безопасности людей, поскольку деструкции будет подвержена не только комфортная для жизнедеятельности среда, но под угрозой окажется сама жизнь, физическое и психическое здоровье населения.

Промежуточный анализ текущих тенденций свидетельствует о постепенном и нелинейном, но все же заметном дрейфе Западного Мира и России в сторону деконфликтинга на Украине и последующего выбора модели конфронтационного взаимодействия в виде мирного сосуществования. В таком исходе объективно заинтересованы и некоторые из прямых и большинство опосредованных участников противостояния. Вместе с тем, перевод конфликта в ненасильственную, относительно мирную поствоенную фазу противоборства вовсе не способствует устранению деструктивных последствий фазы подъема и пика конфликта, но лишь переносит эти последствия на другой уровень. Это будет означать обострение традиционных и появление новых вызовов конструктивным основам бытия социума.

ЛИТЕРАТУРА

- Аседова, Наталия. „Приключения рубля продолжаются. Что будет с курсом?“ *Комментарии*. ФИНАМ, Сентябрь 6 (2023). URL: <https://www.finam.ru/publications/item/priklyucheniya-rublya-prodolzhayutsya-chto-budet-s-kursom-20230906-1633/>
- Biden, Joseph Robinette, Jr. „What America Will and Will Not Do in Ukraine“. *The New York Times*. Section A.P. June 1 (2022): 23-25.
- Bourne, Joel. Jr. „War in Ukraine could plunge world into food shortages“. *National Geographic*. March 25 (2022). URL: <https://www.nationalgeographic.com/environment/article/war-in-ukraine-could-plunge-world-into-food-shortages>
- Carley, Kathleen, Gasser, Les. „Computational organization theory“. *Multiagent systems. A modern approach to distributed artificial intelligence* 1/1 (1999): 299-330.
- CEB. *Energy Poverty in Europe*. Paris: Council of Europe Development Bank, 2019.
- CEIC. European Union Consumer Price Index CPI Growth. 1997-2023. Monthly. London: Census and Economic Information Centre, 2023. URL:

- <https://www.ceicdata.com/en/indicator/european-union/consumer-price-index-cpi-growth>.
- Dolgin, Dmitry. „ING Group: Russian budget consolidation may face obstacles in 2022“, *Internationale Nederlanden Groep website*. October 12 (2021) URL: <https://think.ing.com/articles/russian-budget-consolidation-may-face-obstacles-in-2022>.
- Eurostat. *Euroindicators*. Luxembourg: Eurostat, 2022: 1-2, URL: <https://www.ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14644614/2-01072022-AP-EN.pdf>.
- Eurostat. *Euroindicators*. Luxembourg: Eurostat, 2022: 1-6. URL: <https://www.ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14636262/4-02062022-AP-EN.pdf/cdf0186f-d7af-4fd3-6cbc-77471dd43c17?t=1654086521568>.
- FAO of the UN. *World Food Situation. FAO Food Price Index*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations. 8 September (2023). URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>.
- FAO of the UN. *The state of food security and nutrition in the world. General Report*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2023. URL: <https://www.fao.org/3/cc3017en/cc3017en.pdf>.
- Fix, Liana, Kimmage, Michael. „How China Could Save Putin's War in Ukraine“. *Foreign Affairs* 102, 2 (2023). URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/how-china-could-save-putins-war-ukraine>.
- Gentiloni, Paolo. „Eurozone will avoid economic recession in 2023, according to European Commission report“. *Pledge Times*, February 13 (2023). URL: <https://pledgetimes.com/eurozone-will-avoid-economic-recession-in-2023-according-to-a-european-commission-report/>.
- Haass, Richard, Kupchan, Charles. „The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World“. *Foreign Affairs*. March/April (2021). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>.
- Hauer, Neil. „Russia Has a Plan for Ukraine. It Looks Like Chechnya“. *The Atlantic* 19 (2022). URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/06/russia-ukraine-putin-chechnya/661321/>.
- Hegselmann, Rainer, Mueller, Ulrich, Troitzsch, Klaus. *Modelling and Simulation in the Social Sciences from a Philosophy of Science Point of View*. Amsterdam: Kluwer Academic Publishers, 1996.
- Hoffman, Frank. „Hybrid Warfare and Challenges“. *Joint Force Quarterly*, 1st quarter, 52 (2009): 34-48.
- Ignatius, David. „Biden hunkers down for a long, limited war in Ukraine“. *The Washington Post*, 2 June (2022). URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/06/02/biden-hunkers-down-long-limited-war-in-ukraine/>.
- IMF. *IMF Executive Board Concludes 2022 Article IV Consultation with the United States*. Press Release 22/254, Washington, International Monetary Fund, July 12 (2022). URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/07/12/pr22254-imf-executive-board-concludes-2022->

- [article-iv-consultation-with-the-united-states.](#)
- IMF. *World Economic Outlook. Real GDP growth. Annual percent change.* Washington, International Monetary Fund, April (2022). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD.
- Kahler, Miles, Walter, Barbara, eds. *Territoriality and Conflict in an Era of Globalization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Khrushchov, Nikita. *Report of the Central Committee to the 20th Congress of the Communist Party. Moscow. February 14, 1956.* London: Farleigh Press Ltd., 1956.
- Kissinger, Henry Alfred. „We're heading into a very difficult period“. *The Sunday Times Magazine*, June 11 (2022): 34-39.
- Kissinger, Henry Alfred. „Russland auszugrenzen entspricht nicht meiner Vision von Europa“. *Der Stern*, 27/30.6, (2022): 21-27.
- Клепач, Андрей и др. *Вызовы и перспективы евразийской интеграции в условиях особой геополитической ситуации.* Москва: Издание Института исследований и экспертизы ВЭБ. РФ, 2022.
- Коньгин, Сергей. „Инфляция по итогам 2023 года может составить 7-8%“. *Комментарии.* ФИНАМ, Январь 16 (2023). URL: <https://www.finam.ru/publications/item/inflyatsiya-po-itogam-2023-goda-mozhet-sostavit-7-8-20230116-1110/>.
- КРОС. *Национальный индекс тревожностей.* Спецпроект в рамках исследования «Национальный индекс тревожностей». Москва: Издание КРОС, 2022.
- Lynn, Matthew. „German industry is grinding to a halt. For the first time in a generation, the country has an export deficit“. *The Spectator*, July 4 (2022). URL: <https://www.spectator.co.uk/article/german-industry-is-grinding-to-a-halt>.
- Matveeva, Anna. „Donbass: post-Soviet conflict that changed Europe“. *European Politics and Society*, 23, 3 (2022): 410-441.
- McCuen, John. „Hybrid Wars“. *Military review*, 88 (2), March-April (2008): 107-113.
- Merton, Robert King. *Social Theory and Social Structure.* New York: The Free Press, 1968.
- Mettan, Guy. *Russie-Occident, une guerre de milleans: La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne. Pourquoi nous aimons tant detester la Russie.* Genève: Editions des Syrtes, 2015.
- Münchau, Wolfgang. „Cold war: Putin's plan to hold Germany to ransom“. *The Spectator*, July 2 (2022). URL: <https://www.spectator.co.uk/article/cold-war-putins-plan-to-hold-Germany-to-ransom>.
- NATO. *Vilnius Summit Communiqué.* Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. Brussels, North Atlantic Treaty Organization (2023). URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm.
- Pippenger, Sasha. „Ukraine is advancing its peace plan. The U.S. can help“.

- United States Institute of Peace*, August 3 (2023). URL: <https://www.usip.org/publications/2023/08/ukraine-advancing-its-peace-plan-us-can-help>.
- Prashad, Vijay. „World Hunger and War in Ukraine“. *Consortium News*, July 21 (2023). URL: <https://consortiumnews.com/2023/07/21/world-hunger-war-in-ukraine/>.
- Путин, Владимир. *Выступление на Пленарном заседании XXVI Петербургского экономического форума*. Санкт-Петербург, 16 июня 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>.
- Решетников, Максим. „Министерство экономики оценило долю российского экспорта, затронутого санкциями“, *РосБизнесКонсалтинг*, Май 23 (2022), URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/05/2022/62863df9a7947e62213dfc2>.
- Roy, Diana. „How Bad Is Ukraine's Humanitarian Crisis a Year Later?“. *Council on Foreign Relations*. June 8 (2023). URL: <https://www.cfr.org/in-brief/ukraine-humanitarian-crisis-refugees-aid>.
- Scholz, Olaf. „Es darf keinen Atomkrieg geben“. *Der Spiegel*. 17/23.4, (2022): 18-21.
- SIPRI. *Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security*. Stockholm International Peace Research Institute. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Schmitt, Michael. „Ukraine Symposium – Classification of Conflict(s)“. *Articles of War. Lieber Institute. West Point*, 14 December (2022). URL: <https://lieber.westpoint.edu/classification-of-the-conflicts/>.
- Сивков, Константин, Соколов, Константин. *Гибридная война. Москва: Наше завтра, 2023*.
- UNCTAD. *Maritime Trade Disrupted: The war in Ukraine and effects on maritime trade logistics*. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2022.
- UNHCR. *Ukraine refugee Situation*. Operational Data Portal. Geneva: [United Nations High Commissioner for Refugees](https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine), 2023. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>.
- UNHCR. *Ukraine refugee Situation*. Operational Data Portal. Geneva: [United Nations High Commissioner for Refugees](https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine#_ga=2.212140308.1228536959.1656507776-442391937.1656507776), 2022. URL: https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine#_ga=2.212140308.1228536959.1656507776-442391937.1656507776.
- Yale School of Management. *Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some remain*. Yale: Yale School of Management (2022). URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain>.
- Федеральная служба государственной статистики России. *Социально-экономическое положение России*. Январь-май 2023 года. Москва: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023.
- Федеральная таможенная служба России. *Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам. Экспорт России по важнейшим товарам. Данные статистики*. Январь 2022, Москва: Федеральная таможенная

служба России (ФТС), 2022.

Центр развития перспективных технологий. „ЦРПТ: на лекарства от депрессии за полгода россияне потратили 3.6 млрд рублей“, *ЦРПТ* Июль 6 (2022). URL: <https://crpt.ru/news/1/1158/>.

Zabolodska Inna, Rohozian, Yuliia, Blyzniuk, Viktoria, Vartanova, Olena. „Monitoring of the life quality of population in Europe and Ukraine in the war condition“. *Revista Amazonia Investiga* 12(61) (2023): 80-91.

MILITARY CONFRONTATION IN UKRAINE IN THE PERSPECTIVE OF MODELING CONFLICT AND SOCIAL DESTRUCTION PROCESSES

Abstract

The military confrontation between Russia and Ukraine, which began as a local clash, scaled up into a systemic antagonism between Russia and the Western World that had consolidated against it. The exact space and time frames for what could be the biggest military conflict in Europe since World War II have not yet been determined. They are unstable, as they directly depend on military dynamics. Nevertheless, the axiom wording “everything ends sooner or later” is no exception to the conflict. One can attempt to foresee potential outcomes of events that follow the end of the active (hot) phase of the military confrontation in Ukraine, with a certain degree of margin for error. There are many scenarios to choose from when deciding how parties in the conflict should behave. In total, the tactical and strategic actions of the parties can be reduced to certain models of confrontational interaction that Russia and the Western World will construct in the post-active phase of the conflict. The author of this article uses the method of predictive modeling of the situation to assess the possibility of developing one model of the conflict process into another and characterize the risks of social destruction inherent in these models.

Key words: Russia, Western World, globalizing conflict, modeling of social processes, model of confrontational interaction, social destruction.